

Увидев, как Чу Чанси держит за руку Третьего старшего принца и направляет на него острие меча, Чжао Цзинъюй понял всё.

Он не раз думал о том, как Чу Чанси поведёт себя, когда к нему вернётся память, — будет ненавидеть его, таить обиду, возможно, даже захочет убить за то, что тот заточил Третьего старшего принца в подземелье...

Но когда всё это действительно произошло, почему же он... никак не мог в это поверить?

— Чанси...

Алые свадебные одежды Чжао Цзинъюя во многих местах были испачканы кровью, превратившейся в тёмные пятна. Длинные волосы рассыпались по спине, ветер подхватывал их концы, касаясь его окровавленных губ и оттеняя бледное лицо — жалкое и одновременно прекрасное.

Ресницы его дрожали, перед глазами стоял кровавый туман. Он смотрел на острие меча перед собой и, хотя шаги его были медленны, неуклонно и не сворачивая, двигался к Чу Чанси.

Он заговорил, и голос его был до невозможности хриплым:

— Ты и вправду... хочешь убить меня?

Е Фэн, который привёл людей и держался поодаль, увидев эту сцену, в изумлении широко раскрыл рот. Он долго стоял в оцепенении, прежде чем махнуть рукой, приказывая окружить их, но в атаку не вступал — обе стороны застыли в напряжении. Он ни за что не поверил бы, что господин Чу действительно сможет опустить меч.

Не только он, но и Вэй Ци с Чжао Цзючэнем были потрясены до глубины души.

Лишь Чжао Цзинъе выглядел самодовольным и наблюдал за происходящим с удовольствием, но его рука, сжимавшая руку Чу Чанси, непроизвольно дрожала.

— Отойдите.

Чу Чанси обвёл взглядом внезапно появившуюся вокруг них многочисленную императорскую охрану. Сверкали мечи, клинки излучали холодный свет, отражаясь в его глазах. В зрачках, подобных прозрачному потоку, внезапно застыл лёд — ледяная вода сочилась леденящей стужей.

Он направил меч прямо на Чжао Цзинъюя, словно если тот не отойдёт, он действительно убьёт его.

— А если я... не отойду? — Чжао Цзиньюю очень хотелось улыбнуться ему. Ведь это был самый любимый человек, которого он любил так сильно, что готов был ради него на всё, не говоря уже о своей жизни. Он уже отдавал её однажды пять лет назад, так что отдать снова — что в этом такого?

Вот только он хотел лишь в последний раз взглянуть на него, так почему же дело дошло до схватки не на жизнь, а на смерть?

От боли в груди он не мог улыбнуться, но, не желая сдаваться, спросил:

— Чанси и вправду убьёт меня?

Он не боялся смерти, тем более не боялся умереть от рук Чу Чанси. Он просто очень боялся... что если Чанси собственноручно убьёт его, это будет означать, что тот никогда не испытывал к нему ни капли чувств.

Ни капли чувств...

Клинок ещё не шевельнулся, но словно уже вонзился в его тело. Сердце разрывалось на части, он чувствовал, как из него уходит кровь, как его сотрясает дрожь от холода, как по всем конечностям и костям разливается острая, раздирающая боль.

Чжао Цзиньюю остановился у самого острия — ещё чуть-чуть, и оно пронзило бы грудную кость. Но он улыбался, в глазах блестели слёзы, словно его довели до безумия. Голос его уже сорвался на рыдания:

— Чанси, я... не верю...

— Ты... забыл? Ты ведь много раз... спасал мне... жизнь.

Он заслонял его от мечей, испытывал на себе сотни снадобий, шептал ему на ухо обещание: «Пока я рядом, я не дам тебе умереть».

Как же он мог собственноручно убить его?

Чжао Цзиньюю лихорадочно пытался напомнить о прошлом, чтобы доказать, что Чанси питал к нему чувства, но Чу Чанси прервал его:

— Ты держал его в заточении два года, заставил его страдать. Я, естественно, пришёл требовать с тебя должок. — Когда он произносил это, его зрачки в меркнувшем свете казались необычайно тусклыми, настолько тусклыми, словно в них не было человеческих эмоций.

Только холод.

Ледяной ветер с ледников, каждый порыв которого — нож.

С этими словами он без колебаний вонзил клинок в грудь Чжао Цзинъюя.

В то мгновение Чжао Цзинъюй почувствовал лишь, что его сердце уже превратилось в кровавое месиво, и болело везде. Он даже не ощутил, как остриё вошло в тело. Его просто внезапно охватил ужас, и ему захотелось, как во сне, умолять его:

— По крайней мере, не делай этого сам...

Это очень больно...

Чанси, мне так больно.

Все вокруг ошеломлённо смотрели на эту сцену. Это было настолько невероятно, что никто долго не мог прийти в себя. Даже Чжао Цзинъюй выглядел испуганным и поражённым.

Чжао Цзинъюй тоже лишь спустя долгое время пошевелился. Он хотел опустить голову и посмотреть, но не решался. Опущенные ресницы его дрожали, он боялся открыть глаза.

Кровь стекала по клинку, падая на дикую траву. Жёлтая, увядшая листва окрашивалась в алый — в тот же цвет, что и алые ленты, развевающиеся сегодня во дворце, и подол его свадебных одежд.

Рука, сжимавшая меч, была тверда. И удар в самое сердце был точен. Другой рукой Чу Чанси по-прежнему держал Третьего старшего принца и не отпускал.

Оказывается... всё, о чём он думал и чего боялся, сбывается.

— Чанси... — стоило Чжао Цзинъюю открыть рот, как горло наполнилось солёной горечью, и изо рта хлынула густая кровь. Кровавый запах заполнил всё вокруг, но он всё равно смог уловить тонкий холодный аромат, исходящий от рук его возлюбленного.

Никто не знал, что этот холодный и бесстрастный юноша, которому не было дела до всего на свете, обожал танцевать с мечом под цветами. Когда лепестки падали на его пальцы, он нежно растирал их, и кончики пальцев, окрашиваясь цветочным соком, пропитывались ароматом цветов.

И тогда Чжао Цзинъюй велел посадить в дворцовом саду огромные заросли бегонии. Море

цветов, алая листва, цветущая круглый год.

В этот миг Чжао Цзиньюй вдруг подумал, что умереть от руки Чу Чанси не так уж и невыносимо. По крайней мере, перед смертью он в его глазах — он его видит.

Но Чу Чанси, увидев, что тот не перестаёт истекать кровью, сам не зная почему, на миг утратил ледяное выражение лица — на нём появилась растерянность. И только когда Чжао Цзинье сжал его руку и принялся звать по имени, эта растерянность исчезла без следа.

Донёсся едва уловимый аромат. Чу Чанси сказал:

— Если ты отойдёшь, я могу не убивать тебя.

Лицо его было спокойно, облик по-прежнему напоминал заснеженную равнину в лунном свете — ледяной и сверкающий. Он выдернул меч, кровь брызнула фонтаном. Слова его падали, словно льдинки:

— Отпусти нас.

— Хорошо.

Он не сказал, что и так собирался отпустить его. Не сказал, что, даже если тот убьёт его, он всё равно отпустит его. Он просто смотрел на него с улыбкой и приказал стоявшему рядом Е Фэну не вмешиваться и не преследовать.

Он смотрел на кровавые пятна на щеке Чу Чанси, ему хотелось вытереть их, но сил уже не было. Кровавая рана в груди была гораздо мучительнее, чем во сне.

Наконец он не выдержал. Колени его медленно подогнулись, он начал заваливаться вперёд и рухнул наземь.

Он упал в лужу крови. Алый цвет перед глазами был слишком ярок, сливаясь с его свадебными одеждами. Куда бы он ни посмотрел, глазам было больно, словно их выжигали.

Но почему же он всё ещё не мог смириться? Из последних сил он приподнял голову и посмотрел вслед удаляющемуся Чу Чанси. Спина его была точно такой же, как во сне — он не обернётся и не будет волноваться, жив он или мёртв.

Он протянул руку, желая ухватить его за рукав, как в детстве, как при первой встрече. Тогда маленький мальчик, держа над ним зонт, прошёл с ним сквозь вьюгу. Тогда Чжао Цзиньюй так хотелось, чтобы рядом с ним кто-то был, он хотел взять его за руку.

Но мальчик немного помедлил, а затем сунул свой рукав ему в ладонь и сказал: «Я от природы холоден и не люблю прикасаться к другим. Может, ухватишься за рукав?»

Чжао Цзинъюй тогда крепко сжал тот рукав. Взгляд его упал на чистые, красивые, словно отполированный нефрит, пальцы мальчика. Должно быть, из-за долгого ожидания на кончиках его пальцев лежал тонкий слой снега — как то засохшее дерево во Дворце Хуань, которое лишь зимой, после сильного снегопада, неожиданно покрывалось цветами из инея.

Его ресницы тоже казались покрытыми инеем. Когда он моргал, это было завораживающе.

— Почему ты так смотришь на меня? — маленький мальчик склонил голову набок. Яшмовая корона стягивала длинные волосы. Он казался юным небожителем, внезапно спустившимся с небес, не ведающим мирской суеты.

В сердце Чжао Цзинъюя тогда всё было зыбко и неопределённо, и он не удержался, спросил:

— Кто ты? Зачем пришёл?

— Чу Чанси. «Чанси» из «за синими горами вдали виднеется Чанси», — мальчик потянул за рукав, словно ему было неловко. — Зачем пришёл? Конечно же, за тобой.

«Конечно же, за тобой»...

За ним...

Чанси пришёл к нему.

Был к нему добр.

И не раз спасал ему жизнь...

Так с чего же началась ошибка? С какого момента всё пошло не так?

Почему же в итоге он собственноручно убил его?

Нет, не может быть. Если бы Чанси хотел убить его, зачем бы он столько раз его спасал?

Что-то в голове взорвалось —

Перед глазами всё залило алым. Он смутно видел, как белая фигура постепенно растворялась в

бескрайней дали, так и не обернувшись...

Е Фэн подбежал, хотел поддержать лежащего в крови человека, но от потрясения всё ещё находился в прострации и никак не мог прийти в себя.

Как господин Чу мог убить императора?

Даже если он полюбил другого и захотел уйти далеко вместе с ним, он не должен был безжалостно вонзить в императора меч!!!

Вот видите — никто не верил, что Чанси убьёт его.

Только он сам поверил до конца!

Чжао Цзинъюй вцепился в руку Е Фэна. Рассеянное и скорбное выражение его лица медленно сменилось острым, пронзительным взглядом:

— В погоню.

...

Даже когда они сели в карету за пределами дворца, страх не сошёл с лица Чжао Цзинъюй. Ладони его взмокли от пота. Чу Чанси почувствовал это, повернулся и взглянул на него. Его лицо, обычно холодное, как изморозь, только перед ним становилось словно после первого снега — он слегка сжал его руку в ответ, словно успокаивая.

Но Чжао Цзинъюй это ничуть не успокоило. Напротив, страх в его душе становился всё сильнее, с висков не переставая капал холодный пот.

Чжао Цзючэнь, видя это, уже не испытывал никакой ревности. Он понимал, что поступок Чу Чанси наверняка вызван влиянием Костяного яда. Но что будет, когда действие гу рассеется?

Он весь дрожал, сжимая кулаки. Страх, зарождавшийся в его душе, был ничуть не меньше, чем у Чжао Цзинъюй.

А Вэй Ци стал ещё более молчаливым. Его суровое лицо, подобное клинку, вынутому из ледяной воды, выражало растерянность. Ему казалось, что юноша, стоящий перед ним, — это не тот, кого он знал.

Система:

— Видишь? Никто не верит, что хост убил бы главного героя. Только он сам так считает.

Чу Чанси помолчал, затем спросил только:

— Что с главным героем?

Система на самом деле не хотела заглядывать к главному герою, но, услышав вопрос, всё же вошла в систему наблюдения и вдруг удивилась:

— Главный герой приказал Е Фэну вести погоню!!!

Чу Чанси приподнял занавеску, словно проверяя, нет ли за ними погони, и, делая вид, что не замечает выражений лиц остальных в карете, сказал:

— Значит, не вонзи я ему этот меч, он бы никогда не понял.

Система:

— Что понял?

— Что я, Чу Чанси, не стал бы его убивать. Если бы я мог убить его, значит, тут что-то не так.

Система:

— ... Так, значит, гу внутри хоста — это не Гу Жизни и Смерти?

Чу Чанси задумался:

— Вероятно, что-то вроде Любовного гу.

Система:

— ...

Да, она так и знала.

— Тогда почему главный герой не знает о существовании Любовного гу?

Чу Чанси лениво ответил:

— Кто знает? Слишком глуп.

Ну и ну...

Вот дурак главный герой. Если бы он хоть раз поверил хосту, то не стал бы, даже не проверив, утверждать, что хост полюбил другого, и ради него готов причинить ему вред и даже убить!

Хост во время предыдущего задания много раз спасал ему жизнь — как бы он мог убить его?

Система вздохнула:

— Хост, нужно, чтобы я подавила этого жучка?

Голос Чу Чанси был спокоен:

— Не нужно, это не имеет большого значения.

Ну ладно. Хост — чрезвычайно рациональный человек, которого никогда не захлестывают эмоции. Даже если в этих настройках мира есть Любовный гу, который заставляет людей влюбляться, хост просто немного любопытствует, как изменятся его собственные чувства.

<http://bllate.org/book/19901/1959230>